

Письмо А.И.Журавлевой Н.П.Бурляеву

Николай Петрович!
мы любим Вас как актера, и при нашей личной встрече и разговоре о Вашем будущем фильме Вы показались мне человеком искренним и порядочным. По этой причине я считаю невозможным просто отказаться от какого бы то ни было участия в этой Вашей работе, как сделали Андроников и Мануйлов, уклонившись от достаточно тяжелого разговора о тех моментах сценария, которые я лично не могу принять принципиально (предполагаю, что это же смутило их). Может быть, они просто увидели в Вас человека определенной литературной партии и спорить с Вами по существу сочли безнадежным, потому что эта литературная группа ведет полемику вовсе не для выяснения истины, а с совершенно другими целями, отнюдь не бескорыстными (как, впрочем, и значительная часть их противников, в отличие от них все же не являющихся организацией и потому менее страшных). Я же исхожу из того предположения, что Вы, может быть, и не следите вовсе за всеми этими течениями среди художников, критиков, издателей — словом, людей искусства либо тех, кто причастен к организации и руководству искусством, и в известном смысле вполне искренне и бескорыстно заблуждаетесь в трактовке лермонтовской современности под давлением чьих-то рассуждений, повлиявших на Вас.

Не обижайтесь на это предположение — на каждого из нас влияют и обстоятельства и люди, с которыми нас сталкивает

судьба. Трезво оценить эти влияния, найти свою самостоятельную позицию можно, только оставаясь на своей профессиональной почве, на почве своего дела (если, конечно, оно для нас именно дело, а не просто источник средств существования). Кино — это Ваша почва как актера, сценариста, режиссера. История литературы — моя. Поэтому я и беру на себя смелость говорить именно об историко-литературной концепции Вашей работы, где, по-моему, очевидны следы влияния на Вас преднамеренной и недобросовестной подтасовки. Я просто узнаю эти кочующие из одной книги и статьи о классиках в другую темные намеки на некие заговоры, пауков, спаивание народа, засилье немцев и прочих иноземцев, которые будто бы одни ответственны за все беды нашей с Вами национальной жизни. В подобных работах русских классиков, стараясь «приукрасить» их, с одной стороны, приближают к нам с нашими социалистическими представлениями о собственности, с другой — всех подряд делают националистами. И в Вашем сценарии, к несчастью, при общей неопределенности озлобленных рассуждений Лермонтова начинает вырисовываться такая фигура. Лермонтов непрерывно обличает некую «корысть» (и недаром без всякой помощи своих стихов — у него таких и не найдешь, это скорее у Пушкина и Баратынского надо искать), но он же националист, одержимый ненавистью к иноземцам как таковым. Лермонтов — социалист-националист!.. К счастью, это не Лермонтов, Николай Петрович. И другие русские классики, конечно, такой обработке поддаются туго, без подтасовок тут не обойтись, но Лермонтов даже на этом фоне — фигура особая (недаром историки литературы, причастные к этой группировке, начали с того, что всячески пытались принизить его значение, — это мне известно). О социализме он еще не думал, о национализме ему думать уже приходилось, потому что именно в николаевскую эпоху национализм начал складываться в *официозную идеологическую доктрину*, и уж Лермонтов как поэт позаботился о том, чтоб его в этом духе препарировать было невозможно, оставаясь на почве фактов (художественных прежде всего — для биографа поэта *это факт*). Покидая почву фактов, разумеется, можно сделать все что угодно.

Плетение неясных и не раскрываемых до конца намеков, нагнетание подозрительности и разжигание обиды и неопределенной злобы — цель таких политиканов от науки, поскольку все эти смутные чувства легко в случае надобности направить в нужное русло, расправиться чужими руками со всякого рода соперниками и конкурентами (тоже, я понимаю, отнюдь не ангелами). И уверяю Вас, если это удастся, то свобода творчества и самовыражения настанет отнюдь не для тех талантливых и профессионально состоятельных людей, которых сегодня оттирают ловкие дельцы, а для тех, кто сегодня пишет доносы, а завтра, в случае какого поворота, будет «назначен» талантом и «народным» художником. История, в том числе и наша, увы! уже давала такие уроки: вспомните хоть о том, как во времена борьбы с формализмом и космополитизмом едва ли не в первых рядах пострадали такие наши с Вами «соплеменники», как Зощенко, Ахматова, Шостакович и Прокофьев.

У меня вовсе нет никаких личных оснований особенно любить ту «партию» в искусстве, против которой Вас ополчают Ваши советчики (да, наверное, и собственные какие-то житейские впечатления — это я могу понять). Более того, я по опыту знаю, что, не входя в число «наших», жить и в науке, и особенно в искусстве тяжело. Правда, больше это не мой личный опыт — тут я человек относительно благополучный пока, — а опыт моего мужа, которого в свое время просто «не взяли» в литературу, вынудив его существовать в рамках «неофициального» искусства. Причем «не взяли» люди либеральные и прогрессивные — уж о темных что и вспоминать! — те, которые тогда, в конце 50-х — начале 60-х гг., на страницах «Нового мира» начинали растить и пестовать «деревенскую» литературу, противопоставляя и натравливая ее на «городскую» и интеллигентскую. А теперь делают вид, что не имеют к этому всему никакого отношения, и обижаются на «русофильство» как некую идеологию и специализацию в искусстве. В общем, история современной литературы развивается по схеме, которую умный Шукшин прекрасно изобразил в рассказе «Срезал» — помните такой?

И нас с мужем лет 15 назад в эту компанию, незаконно именуемую славянофильской, звали, мы-то не пошли, потому что дело

и честный профессионализм, с нашей точки зрения, важнее, чем успех, а свобода совести — важнее тех преимуществ, которые дает принадлежность к партии (литературной, я разумею). Но видели мы не одного и не двух способных людей, которые пошли по этой дорожке и от книги к книге (а они не замедлили появиться) врут все больше и больше, и смотреть на это даже уже не больно, а противно. Поверьте, это классические «ловцы душ», и, как всяким «ловцам», им, конечно, интересно и важно, чтоб улов был подороже. И нам, ценящим и Вашего «Игрока», и «Военно-полевой роман», ужасно жаль, что, кажется, с Вами этот номер у них тоже может пройти.

Все это длинное предисловие с элементами исповеди я затеяла с одной целью: пожалуйста, поймите, что, если Вы будете делать фильм по тому варианту сценария, который я читала, со всей серьезностью взвесьте последствия этого шага — не житейские (тут я хорошо помню Вашу благородную готовность встретить всякие неприятности и осложнения), а внутренние, творческие. Это будет не просто удавшаяся или неудавшаяся биографическая лента, а Ваш *человеческий поступок*, если угодно — нравственный выбор.

Теперь непосредственно о сценарии. Он начинается так хорошо, с такой любовью к Лермонтову, вообще в целом ряде лирических эпизодов видно, что Вам поэт дорог и что-то существенное в нем открыто. Как же вы могли после такого начала и при такой любви к герою лишить его лучших стихов — «Родины» и неразрывно связанного с ней «Прощай, немытая Россия», «И скучно, и грустно», «Завещание», «Тучи»! Ведь этим Вы у Лермонтова отбираете его главное, то, что он России оставил навсегда, превращаете его в некоего резонера, замыкая в кругу великосветских дряг, возни вокруг трона и «руководства», как бы мы теперь сказали. Почему здесь толкуются все бывшие и небывшие светские знакомые (кто с точными, кто с проблематичными характеристиками) и нет, по существу, никого из русской интеллигенции, которая в лермонтовскую эпоху так напряженно и непродвзято думала о судьбе России? Где Хомяков и Самарин? Где круг близких знакомых Пушкина, принявший позднего Лермонтова как друга? Где Одоевский, подаривший ему на про-

щанье ту знаменитую записную тетрадь, куда вписаны лучшие поздние вещи Лермонтова — одни шедевры! Я отвечаю на эти вопросы: они просто «не влезли» в концепцию «иноземных супостатов», опутавших Русь и лично Пушкина и Лермонтова. Даже славянофилы для этого не подходят, потому что и они вовсе не пытались свалить все русские беды на немецких наемных чиновников, французских авантюристов и неких «трактирщиков» (евреев, что ли?), спаивавших русский народ (в лице юнкеров в Вашем сценарии).

Николай Петрович! Есть истины, которые стали трюизмами, но от этого не перестали быть истинами. В их числе и та, что уже в начале XIX века существование такого института, как крепостное право, когда одни люди физически владели другими, могли продавать и покупать их, было главной национальной трагедией и позором. И тексты Лермонтова свидетельствуют неопровержимо, что эту горечь он чувствовал.

Существование крепостного права в лермонтовскую эпоху исключало всякую возможность единства и цельности национального сознания для всех мыслящих людей, как славянофилов, так и западников. Философские истоки, готовившие обе эти теории, имели западноевропейское происхождение (прежде всего — немецкий классический идеализм), и в совокупности с впечатлениями русской жизни они направляли мысли современников Лермонтова на критический анализ всех основ национальной жизни.

Бабушка Лермонтова, у которой погиб любимый брат, конечно, могла сердиться на неких безымянных «этих», которые его «в свое правительство метили», как и другие родственники пострадавших по прикосновенности к делу 14 декабря. Могли и мыслящие сверстники Лермонтова считать путь декабристов ошибочным, тосковать по цельности, нерелективности сознания, но именно как по вещи невозможной и за счет зажмуривания глаз отнюдь не достижимой.

Лермонтов, которого в отрочестве, да и позже, привлекало бунтарство Байрона и романтизированный Наполеон — «человек рока» (еще и в «Последнем новоселье» — 1840 год!), чрезвычайно стремительно прошел огромный духовный путь. Конечно, он

мог сердиться на всяких там Дантесов, Барантов, Нессельроде и прочих выскочек (включая и коренных своих соотечественников вроде Чернышова), но и ему, и его современникам, и любому непредвзятому нашему современнику ясен смысл остзейского засилья в николаевском окружении: остзейские немцы были просто наемники, всецело зависящие от нанимателя — царя. Такие же «немцы», как Кюхельбекер, имевшие настоящие корни (культурные, а не этнические) в русской земле, точно так же были Николаю опасны и не нужны, как Рюриковичи, готовые отказаться от своих преимуществ и сомнительного счастья владеть живыми людьми.

Так вот, когда я говорю о духовном росте Лермонтова, я имею в виду то, что этот, по нашим нынешним меркам, юноша сумел в «Думе» сказать «мы, поколение», приняв на себя бремя моральной ответственности за неблагополучие русской жизни, а не сваливая ее ни на Петра, ни на корчмаря, ни на иных прочих совратителей. Что он первый в русской литературе сумел разделить понятия «Родина» и «государство». Что он, профессиональный военный, отличавшийся личной храбростью, сумел задуматься о бессмыслице колониальной войны (об этом, впрочем, у Вас есть). Что он, в юности настолько большое значение придававший своей светской роли, что ради этого готов был на, мягко говоря, сомнительные в нравственном отношении поступки (история с Сушковой), переступая через всякие словесные предрассудки, задушевно беседует с Белинским, этим недоучившимся лекарским сыном, о том, что им обоим равно дорого, — о литературе (жаль, кстати, что этот один из самых трогательных в русской литературной жизни эпизодов тоже Вас не заинтересовал). В общем, всё это был тот путь, который обеспечивает абсолютную подлинность интонации «Завещания»: к такому Лермонтову какой-нибудь реальный раненый «кавказец», мелкопоместный молодой Максим Максимыч, и правда мог обратиться, умирая, со словами: «Наедине с тобою, б р а т, хотел бы я побыть...».

Вот этого мне в Вашем сценарии остро не хватает, а без всего этого возникает не просто неполнота, а умолчание и неправда, не говоря уж о всяких намеках того свойства, о которых

я говорила как об очень узнаваемых и, почему-то мне кажется, для Вас внутренне неорганичных.

Петр I не мой любимый герой, но, побойтесь Бога, не при нем завелась царская монополия на торговлю водкой, еще в XVI веке существовали казенные питейные дома, а в XVII веке уже была на водку царская монополия. Вообще, при Лермонтове вопрос о спаивании народа не стоял так остро — это проблема пореформенной России, о которой писали Некрасов, Шедрин, Достоевский, и к Вам она перекечевала оттуда, из книжек и рассуждений о них.

Понятен мне теперь и смысл Ваших вопросов об архивах. Они тоже из этого круга: при малодоступности архивов не только читателям книг о классиках, но и большинству исследователей легче легкого бросать таинственные намеки на какие-то архивные сведения, известные или полуизвестные автору книги. Легко цитировать их с купюрами справа, слева и в середине, монтировать как угодно и т.д. Но Вам-то зачем это? Какие архивы, когда Вы спокойно проходите мимо важнейших обстоятельств литературной и духовной жизни Лермонтова, засвидетельствованных и опубликованных, во всем доступных мемуарах, вроде, скажем, знаменитого свидания в ордонансгаузе или общения с Хомяковым и Самариным!

Съемочная группа Михалкова, говорят, посылает Лощица в Австрию искать в архивах компрометирующие Нессельроде материалы в связи с работой над фильмом о Грибоедове. Да, Грибоедов был дипломат, и его гибель в Тегеране может таить какие-то черты заговора, предательства, иностранных интриг (вероятно, даже не может не таить). Но для того чтобы погубить Лермонтову, не нужны заговоры и стреляющие из кустов казаки (появлялись в «научной» литературе и эти сюжеты!) — вся русская николаевская действительность толкала его к смерти, а не заговоры, даже если они и были — на уровне великосветской интриги, как с Пушкиным. И уже современники это прекрасно понимали, вспомните хотя бы стихи «немца» Кюхельбекера «Участь русских поэтов» («Горька судьба поэтов всех времен; / Тяжеле всех судьба казнит Россию»). Кстати сказать, при всей своей боли и ярости против убийцы Пушкина Лермонтов

ведь — заметьте это, вчитайтесь! — даже и не Дантеса в ней обвиняет, а свет и непосредственно двор, а Дантес у него лишь бессмысленное орудие, какой-то тупой автомат.

В общем, тут уже пошли частности, хоть и очень важные, я продолжать не буду. Вы сами видите, что Вам не могу быть союзником, если всё то в Вашем сценарии, о чем я писала как о не соответствующем истине, для Вас есть нечто, не подлежащее обсуждению и не нуждающееся в критике рассудка.

Едва ли можно надеяться, что я Вас убедила, но может быть, Вы всё же еще раз продумаете, в том числе и прежние варианты Вашего сценария — не были ли они ближе к объективности?

14 февраля 1985 г.